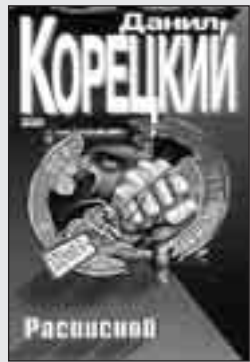

СМ КНИЖНЫЙ РЯД

ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
АГЕНТА ВОЛЬФА

«Татуированная ко-жа» - так называлась первая часть детективного романа **Данила Корецкого** о тайном агенте Вольфе, выполняющем особо опасное задание разведки. Издательство «ЭКСМО» знакомит читателей с продолжением истории татуированного спецназовца, внедренного в среду уголовников. В книге Корецкого «**Расписной**» есть все, что отличает настоящий детектив: крутой герой, захватывающий сюжет, знание работы спецслужб, теневой жизни и, конечно, неожиданная развязка.

ЭСТЕТИКА ДОСТУПНЫМ
ЯЗЫКОМ

предмет, доступным языком и снабжена большим числом иллюстраций.

Книга профессора Абердинского университета **Гордона Грэма «Философия искусства»** (издательство «Слово») - своеобразное введение в науку об искусстве - эстетику. Автор рассматривает проблемы творчества в кинематографии и литературе, музыки и живописи, архитектуре и поэзии. Книга написана легко, насколько это позволяет изучаемый предмет, доступным языком и снабжена большим числом иллюстраций.

И ЭТО ВСЕ О НЕМ

романы Акунина насыщены информацией из истории Отечества и написаны отменным русским языком.

Отныне Эраст Фандорин будет будоражить умы юных читателей и читательниц. Издательство «ОЛМА-ПРЕСС Образование» в серии «Внеклассное чтение» выпустило специальный адаптированный для детей роман **«Азazel»**. Впервые он был опубликован в 1998 году, сделав знаменитым его автора - **Бориса Акунина**. Можно познанию относиться к детективному жанру, но несомненно, что романы Акунина насыщены информацией из истории Отечества и написаны отменным русским языком.

ЧИСТО РОССИЙСКОЕ
УБИЙСТВО

метить: и раскрытие темы, и глубина проработки документального материала заслуживают самой высокой оценки.

Автор многие годы работает в области правовой журналистики. Это не первая, но, на мой взгляд, лучшая его книга. Обладая богатым материалом (увы, убийство в сегодняшней России стало явлением обыденным), Тарасов сумел заметить многое, что ускользает от нас из-за быстротечности времени, от чего отвлекают «жареные» факты и скандальные подробности событий. Главное, что выделяет книгу из числа подобных работ, - позиция автора. Он не превратил книгу в сборник ужастиков и не скатился до обвинительно-слезливого пафоса. Убийство - рецидив тяжелой болезни всего общества. Тарасов искренне надеется на его выздоровление.

Николай МОДЕСТОВ

ФОТО ЕКАТЕРИНЫ ЦЕПКОВОЙ

«Дядя Ваня» в «Табакерке» (режиссер Миндаугас Карбаускис) естественен, прост, красив. Спектакль - из числа исключений, а не стандартов сегодняшней сцены. Приятно слышать нормальные, а не надсадные человеческие голоса людей, для которых сознание безнадежности стало привычным, а бунт против судьбы опоздал.

Выдающийся современный художник Олег Шейнцис выстраивает фасад деревенского дома Войничких из свежих досок, во всю высоту и ширину Большой сцены МХАТ, чуть отступив от рамп. Фасад так впечатляюще огромен, что веришь в 26 комнат, о которых с досадой, как о бессмыслице, говорит дядя Ваня.

Обилие высоких окон террасы, утопленной в глубине, делают жизнь за стеной проницаемой, доступной нашему зрению. Сценография диктует способ сущест-

КРАСИВО И... СКУЧНО

Еще об одном чеховском спектакле в сезоне-2004

вования актеров в пространстве. Жизнь на открытом воздухе, на узкой и длинной приступке вдоль всей стены, из кулисы в кулису, приближена к нам, зрителям, слышна, видна. И эти летние, ленивые, и одинокие, трагические сидения на ступенях. И фигуры мужчин и женщин во весь рост. И плавные или стремительные проходы. И эти разговоры - в нормальном ритме, естественной силе звука. Волнуясь, узнаешь знакомый чеховский текст.

Когда действие уведено за затворенные окна террасы, звук гаснет. В сумраке видны бесшумные перемещения обитателей поместья, мерцание старинной утвари: самовара, буфета... Огни зажженных свечей, соединяясь, разделяясь, плывут в прозрачной коричневой темноте. Жизнь за стеклами отчуждена, отстранена от нас и нынешнего времени. Напоминает бесшумное скольжение рыб в воде аквариума.

А когда окна открываются, в прямоугольниках их, как в кинокадре или на картине, возникает по одной-две фигуры. Поданные крупным планом, они обретают выразительность, законченность малых композиций, у которых - пустота.

Тут Соня (Ирина Пегова) с Еленой (Мариной Зудиной), примирившиеся и умиротворенные в мечтах и слезах о себе. И старая нянька (Наталья Журавлева) за распутыванием ниток. Здесь профессор (Олег Табаков) в ночном бдении, наедине с красавицей-женой - резкой и живой, совсем не Ундиной; с лекарственными пузырьками, которые из аптечки рывком высыпает гневная Соня. Не тот важный, вальяжный, полный достоинства, не подозревающий о своей бесталанности, каким мы видели его в первом акте, но удрученный в сознании старости, ненужности, не менее несчастный, чем дядя Ваня (Борис Плотников).

В красивом и стильном спектакле ощутима режиссерская культура - тем более ценная, чем реже она на сегодняшней сцене. Композиционно и в общем тоне исполнения достигнута цельность.

«Дядю Ваню» играют Мастера. Те, кто школой и судьбой связаны, как Табаков, с мхатовским направлением. Новые - Плотников, которого в роли Войничкого с особым нетерпением ждали; Дмитрий Назаров - Астров. Играют артисты «Табакерки» и приглашенная из Театра-студии Петра Фоменко Ирина Пегова. Не расходятся-таки чеховские роли в огромной труппе МХАТ!

Молодая Пегова так искренне и подлинно играет деревенскую дворянку, русскую труженицу; с такой невероятной естественностью - драму юной, безответной, любви, что другим рядом с ней быть на сцене непросто. Молодая актриса стала открытием в спектакле, где «отрицательных» и виноватых нет, несчастливы все и ничего не могут изменить в своей судьбе.

Большинство исполнителей работают достойно, ответственно, но актерских откровений в новом «Дяде Ване» нет. Каждому персонажу недостает чего-то необходимого, важного. Плотников искренен в роли Войничкого, варианте трагического русского Обломова, но так не мужествен, слаб, невравстенен, что притязания его на любовь Елены, больной вопль о том, что он мог бы стать Шопенгауэром или Достоевским, воспринимаются как нелепость. Ясно, что дядя Ваня старчески обессилел в сорок семь лет. Не ясно, каким он был в молодости и кем бы мог стать.

Назаров мало годится на роль Астрова. Огромный, грузный, рыхлый, рядом с подвижной змейкой Зудиной; с голосом грубым, не гибким, который актеру приходится утишать до шепота, он лишен породы хоть и пьющего водочку, но - интеллигента. Привлекательно и увлекательно для женщин в нем мало.

У Табакова жанровая сложность сведена к одному лишь переживанию. Исчезло трагикомическое, актерствующее в образе. Впрочем, это уже решение режиссера, который убрал фантастизм и абсурдизм сцены с выстрелом, превратил ее в бытовую ссору.

Быть может, по мере движения спектакль и станет совершенней, лучше. Чудится, мерцает в нем какой-то новый, нынешним временем высвеченный Чехов. Мужественный пессимист, который увлекает не мечтой о прекрасной жизни, чего не будет никогда, а тоской по несказанной красоте, верой в человеческое достоинство, не уничтожимое и в безнадежных обстоятельствах.

Но отчего в культурном, стильном спектакле к финалу возникает ощущение монотонности и скуки? Оттого, что драматических вершин нет, а из живых ролей уходит красота, которую чувствует и воплощает один лишь сценограф, несравненный Шейнцис, но в мертвой, материальной фактуре? Или оттого, что прием тройного бытия актеров в пространстве - снаружи, внутри, в беззвучии за стеклом окон, картин-кадров, - не развивается, а повторяется без конца? Оттого, что чеховская мистика, музыка слов исчезают даже из монолога Сони об ангелах небесных и небе в алмазах?

Миндаугас Карбаускис - заметная фигура среди многочисленных новых режиссеров. Его спектакль дает надежду на возвращение к смыслу, к гармонии, живому человеку на сцене. Хоть и не до конца, спектакль сопротивляется хаосу.

Соблазн работать вне культуры, игнорируя ее, чему подвержены многие, сегодня велик. Однако и возвращаться непросто. Полузабытая культура дается с трудом, что отзывается несвободой, формальностью, жанровой, стилистической робостью; искусственностью и ложью в актере или актерской блеклостью, серостью.

Вера МАКСИМОВА

ИСКУССТВО - ТЕРРИТОРИЯ ДУШИ

30 ЛЕТ «БУЛЬДОЗЕРНОЙ ВЫСТАВКЕ»

Молодые уже и не знают, что это было. А было вот что. 15 сентября 1974 года в 12 часов дня был запланирован показ произведений современных художников на открытом воздухе - на пустыре возле перекрестка улиц Профсоюзной и Островитянова. Художники были настроены празднично, но на станции метро «Беляево» милиция задержала одного из них - Оскара Рабина. Его обвинили в ограблении... не известно кого. Правда, через 15 минут отпустили, сказав, что нашли настоящих грабителей. Когда Оскар Рабин добрался до пустыря, глазам его предстало сюрреалистическое зрелище. Люди в штатском набрасывались на художников, выкручивали им руки, вырывали из подрабников холсты и швыряли в самосвал. И три бульдозера, словно танки, двигались по пустырю. За происходящим наблюдали около 500 зрителей.

Оскар Рабин все же раскрыл холсты. Но бульдозерист с энтузиазмом раздавил их машиной и двинулся дальше.

Бульдозеры смели все выставленные картины, дюжие молодцы окатили художников ледяными струями из брендспойтов, потом развели костер... Финалом стало то, что большинство участников выставки было объявлено антисоветчиками.

...Но вот ведь как устроен человек: даже трагические события по истечении многих лет воспринимаются с юмором. Вот и тридцатилетнюю годовщину побоища ныне отметили весело. Помните у Булгакова: «Почти великим ве-селием!» Да, та выставка погибла. Но выставщики устроили праздник в кафе «Премиум-Бухаров». Равовались тому, что многие из них выжили, выставили, продолжают работать...

Но ведь у любой медали есть две стороны. В наши дни, увы, пользуясь свободой, бездари объявляют себя гениями, зрителям навязывается откровенная халтура, а подлинное искусство подчас оказывается неконкурентоспо-

собно на рынке масс-культуры. Как с этим бороться?

Об этом я спросила художника Татьяну Левицкую, которая тем черным сентябрьским утром была одной из жертв «бульдозера».

- «Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами», - сказал поэт. Талантам мы и сейчас не помогаем - слава богу, хоть не душим. А вот бездарности прекрасно себя продвигают. Они во все времена очень хорошо работают локтями. И та атака бульдозеров в сущности была спровоцирована бездарностями в разных сферах жизни. Именно бездарные люди были рьяными радателями цензуры. Они же покровительствуют нынче безнравственности в искусстве. Сейчас много говорят о введении нравственной цензуры. Я считаю, она непременно должна быть! Но - у каждого художника в сердце. Для этого необходимо нравственное совершенствование всего общества. Чего добиться трудно...

И все же я настроена оптимистично. Вы знаете, спустя две недели после того трагического дня я была самым счастливым человеком. Потому что через две недели состоялась выставка тех самых опальных художников в Измайлово. И нас уже никто не давил - власти поняли, что перегнули. Кстати, многие функционеры были наказаны за такую самодельность - перестарались! Потом, видимо, искусствоведы в штатском решили: пусть уж покажут свои картины, а мы погуляем вокруг. И гуляли. А зрители нас благодарили. Ведь людям надоело видеть на выставках плакатную живопись, которая ничего не дает душе, а у нас они нашли отражение души. Да, были и потом нелегкие годы - для всех, художников в том числе. Но... чтобы творить, всегда надо напрягаться.

И вот в чем еще эффект той «бульдозерной выставки». Мы стали успешными художниками, наши картины хорошо продавались, заодно мы открыли шлю-

ФОТО ЮРИЯ СТРОКОВА

зы другим художникам - они перестали бояться. Теперь я просто знаю, что могу работать, как хочу. Это счастье. А по сравнению с тем, что было, это чудо.

Актриса Виктория Лепко откомментировала события по-своему:

- Существующая сейчас вольница в искусстве мне не очень нравится. Я человек немножко «ретро». Безнравственности в искусстве значительно меньше, если нравственные принципы закладываются в детстве. Людей все же надо ограждать от наглого посягательства на их души, особенно молодежь. Мы-то крепкие, закаленные, а за детей страшно. Ну а печальные события - то, например, что случилось в сентябре 74-го, - в конце концов вселяют веру, что, как те художники преодолели обстоятельства, так и мы все преодолеем. Но надо успевать говорить людям добрые слова при жизни.

А уж такая «продвинутая» женщина, как писательница Мария Арбатова меня просто удивила:

- Тот бульдозерный погром воспринимался не как удар, а как нормальная партизанская война. Слава богу, сейчас безумства милиционеров попадают в кри-

минальные сводки. И я против того, чтобы территория искусства была свободна от этических норм и от уголовного кодекса. Меня 800 раз призывали защищать художников-авангардистов. Но я не буду их защищать. Потому что они подчас выходят за рамки нравственности и закона. А в искусстве эти рамки должны соблюдаться. Сейчас в кабинете одного из главных редакторов входящий вынужден вытирать ноги о коврик с портретом Ленина. Меня от этого корбит. Должно существовать понятие политкорректности и свободы для всех, а не только для тебя. Помните, была политическая акция, где топором рубились иконы? Я не православная верующая, но такого быть не должно.

...Меж тем на празднике поминок и возрождения искусства Татьяна Левицкая и молодой художник Александр Бродский сотворили на глазах у изумленного народа полотно «Красное, белое и зеленое». Заранее мастера не сговаривались, это был экспромт. Как сказал Саша Бродский:

- Живучий у нас народ - веселый и удивительный!

Елена БЕЛОСТОЦКАЯ